

Министерство культуры Республики Крым
ГБУК РК «Республиканская крымскотатарская библиотека
им. И. Гаспринского»

Язык. Культура. Семья.

сборник лучших работ по итогам
республиканского конкурса для молодых
читателей к 175-летию Исмaила Гаспринского

Симферополь, 2026

ББК 78.342

Я 41

Язык. Культура. Семья: сборник лучших работ по итогам республиканского конкурса для молодых читателей / ГБУК РК «РКБ им. Гаспринского»; сост. Г. С. Шосаидова. – Симферополь, 2026. – 34 с. – Текст: непосредственный.

В данном пособии представлены лучшие работы участников Республиканского конкурса творческих работ молодых читателей «Язык. Культура. Семья», посвященном 175-летию со дня рождения великого крымскотатарского общественно-политического деятеля, просветителя и издателя Исмаила Гаспринского.

Специалистам библиотек рекомендуем использовать данный контент при проведении духовно-нравственных мероприятий.

Составитель: Шосаидова Г.С.

Верстка: Бектемиров Э.Р.

Ответственный за выпуск: Кадырова Л.З.

Перед вами результаты Республиканского конкурса творческих работ молодых читателей «Язык. Культура. Семья», посвященного 175-летию со дня рождения великого крымскотатарского общественно-политического деятеля, просветителя и издателя Исмаила Гаспринского.

Конкурс на лучшую публикацию (эссе, рассказ) среди молодежи проводился с целью развития творческих способностей молодежи, глубокого изучения творческого наследия великого просветителя и стимулирования работы в области исследования актуальных проблем современности.

В Конкурсе участвовали учащиеся и студенты в следующих возрастных категориях с 14 до 18 лет включительно.

Участники могли проявить себя в нескольких конкурсных номинациях. В их названиях использовались тематические цитаты Исмаила Гаспринского.:

- *«Все народы должны жить не как случайные спутники...» (семья как ценность общечеловеческая; семья как единство народов);*
- *«Язык – главное орудие развития народа» (значение языка как определяющего фактора идентичности народа);*
- *«Культурный код народа».*

Конкурсные работы могли быть дополнены фотоматериалами и иллюстрациями.

Всего на конкурс поступило более 30 работ из разных регионов Крыма, при оценке которых жюри учитывало глубину раскрытия темы, оригинальность подачи материала, актуальность и значимость поднятых вопросов.

Работы были в жанре эссе, рассказа, стихотворения и сказки. Победители были награждены Дипломами I, II, III степени и памятными призами.

Победители Конкурса:

Номинация «Все народы должны жить не как случайные спутники...» (семья как ценность общечеловеческая; семья как единство народов):

1 место: **Серова Анастасия Евгеньевна** за сказку о двух мастерах и чаше дружбы (Симферопольский р-он, с. Винницкое);

2 место: **Завриева Лемара Сулеймановна** за рассказ «Сердца мира в одной семье» (Раздольненский р-он, с. Березовка);

3 место: **Кадинская Снежана Сергеевна** за эссе «Язык. Культура. Семья» (Раздольненский р-он, с.Серебрянка);

Номинация «Язык – главное орудие развития народа» (значение языка как определяющего фактора идентичности народа):

1 место: **Абдуллаева Наиля Рагимовна** за эссе «Сад, политый живой водой родного слова» (Симферопольский р-он, с. Тепловка);

2 место: **Макаева Вероника Александровна** за сказку «Къапу» (Арка, портал) (г. Керчь).

Номинация «Культурный код народа»:

1 место: **Дикович Татьяна Руслановна** за эссе «Горсть терпения и капля любви» (г. Евпатория);

2 место: **Авамиллов Кемал Диливерович** за сказку на крымскотатарском языке «Къыйметли мирас»=«Ценное наследие» (Симферопольский р-он, с. Родниково);

3 место: **Иванова Иванна Владимировна** за эссе «Язык. Культура. Семья (Красноперкопский р-он, с. Ильинка);

Поска Ренат Серверович за эссе «Культурный код народа: что мы сохраняем, когда помним язык, семью и историю» (Красноперкопский р-он, с. Братское).

Дипломом и памятным подарком за оригинальную поэтическую трактовку темы была награждена **Минаджиева Эдие Ренатовна**.

Также были отмечены благодарственными письмами за лучшую организацию работы по привлечению своих читателей к участию в конкурсе следующие централизованные библиотечные системы Республики Крым:

- **Управление Раздольненской ЦБС МБУК «Межпоселенческий центр культуры, досуга и библиотечного обслуживания»;**

- МКУК Симферопольского района «Районная централизованная библиотечная система».

Итак, предлагаем вам ознакомиться с работами победителей.
(Стилистика, орфография и пунктуация авторов сохранены с целью избежать искажения стиля и смысла написанного, а также продемонстрировать цитируемый текст в оригинале).

Иллюстрация Алиева Амета.

(Участник республиканского конкурса для молодых читателей
«Язык. Культура. Семья»)

Сказка о двух мастерах и чаше дружбы

В давние времена, когда Крымский полуостров ещё хранил в своих скалах эхо древних легенд, жили в одном прибрежном городке два мастера. Один был русский кузнец по имени Илья. Другой – крымскотатарский гончар по имени Рустем. Жили они по соседству через узкую улочку, но дружбы не водили. Илья считал, что глина – материал слабый, а Рустем посмеивался над железом, говоря, что оно слишком грубое и не знает тепла человеческих рук.

Но однажды беда пришла в их городок. Налетел с моря страшный ураган. Он сорвал крыши с домов, повалил деревья и разрушил старый колодец, из которого все брали воду. Жители остались без воды и без крова.

Илья вышел из своей кузницы и увидел, что у Рустема разбита вся посуда — горшки, кувшины, чаши, которые он делал много месяцев. Рустем сидел среди осколков и молчал.

— Тяжело тебе, сосед, — сказал Илья.

— Тяжело, — ответил Рустем. — Всё, что я создавал, разбилось за одну ночь.

— А у меня вода ушла, — вздохнул Илья. — Без воды железо не слушается, огонь не тот.

Они помолчали. Потом Рустем поднял голову и сказал:

— Ты умеешь ковать железо, а я умею лепить глину. Может, если мы сделаем что-то вместе, у нас получится?

— Что может получиться из железа и глины? — удивился Илья.

— Не знаю, — честно ответил Рустем. — Но знаю одно: поодиночке мы пропадём.

И они начали работать. Илья выковал прочный железный обод, а Рустем слепил из глины большую чашу, по краям которой вылепил узоры — с одной стороны колосья пшеницы, как символ русских полей, а с другой — виноградную лозу, как символ крымской земли.

Они соединили железо и глину, обожгли чашу в печи, и получился у них удивительный сосуд — крепкий и красивый.

— Что же мы сделали? — спросил Рустем.

— Мы сделали то, что не могли сделать порознь, — ответил Илья.

— Теперь у нас есть чаша, в которой можно носить воду.

Они пошли к разрушенному колодцу и стали его восстанавливать. Илья ковал новые кольца для цепи, а Рустем обмазывал стенки колодца глиной, чтобы вода не уходила. К ним присоединились другие жители — кто носил камни, кто плёл верёвки. И через три дня из колодца снова забила чистая холодная вода.

Первыми из новой чаши напились Илья и Рустем. Они передали её друг другу и улыбнулись.

— Знаешь, сосед, — сказал Рустем, — я раньше думал, что железо — это грубость. А теперь вижу: в нём сила и надёжность.

— А я думал, что глина — это слабость, — ответил Илья. — А в ней оказались тепло и мудрость.

С тех пор они стали лучшими друзьями. Илья научил Рустема делать железные инструменты для гончарного круга, а Рустем показал Илье, как украшать железо узорами, похожими на виноградные листья. Их дети росли вместе, учили два языка и знали обычаи обоих народов.

А чаша, которую они сделали вместе, стала символом их дружбы. Её ставили на стол, когда собирались все соседи — и русские, и крымские татары, и греки, и армяне. Каждый мог испить из неё воды, и никто не спрашивал, кто ты по крови. Потому что настоящая дружба не знает границ, как вода не знает, из какого она колодца.

Прошли годы. Однажды внук Ильи спросил старого Рустема:

— Дедушка, а почему на нашей чаше нарисованы и колосья, и виноград?

Рустем погладил его по голове и ответил:

— Потому что мы — одна семья. Мы разные, как железо и глина. Но вместе мы создаём то, что не под силу никому поодиночке. Все народы должны жить не как случайные спутники, проходящие мимо,

а как родные люди, готовые разделить и беду, и радость. Тогда любая буря нам не страшна.

Вот так два мастера, русский и крымский татарин, стали братьями и научили весь свой город жить одной семьёй. А чаша та до сих пор хранится в старом доме на той самой улочке, напоминая всем, что дружба крепче железа и теплее глины.

Серова Анастасия Евгеньевна

Сердца мира в одной семье

В этих словах - «все народы должны жить не как случайные спутники» - заключена удивительно простая и одновременно глубоко нравственная мысль. Люди не случайно оказались на одной планете. Мы не пассажиры, которых судьба волею случая посадила в один вагон и которые равнодушно смотрят в окно, не замечая друг друга. Человечество связано гораздо более прочными нитями: общим происхождением, общей историей, общими радостями и печалью. И главное, что нас объединяет — это ценности, среди которых вершиной всегда была и остаётся семья.

Семья - единственный социальный институт, который существует у всех народов Земли во все времена. Археологи и этнографы не нашли ни одного общества, ни одной культуры, где не существовало бы семьи: без неё невозможно само воспроизводство человеческой жизни, как физической, так и духовной. Именно в семье ребёнок слышит первые слова родного языка, учится любить, доверять, прощать, брать на себя ответственность за другого человека.

Показательно, что понятия «уважение к старшим», «забота о детях», «верность близким» есть в языке каждого народа. Русское «семья», китайское «家», арабское «عائلة», английское «family» - за разными звуками скрывается один и тот же смысл: люди, соединённые любовью и долгом друг перед другом. Когда мы говорим, что семья - общечеловеческая ценность, мы имеем в виду именно это: каким бы разным ни был быт, какие бы обряды ни совершали народы при рождении ребёнка или на свадьбе, суть у всех одна - дар жизни, любовь и верность.

Но самое главное - семья может стать не только ценностью внутри каждого народа, но и моделью отношений между самими народами. Ведь семья — это союз разных. В семье отец и мать, дети и бабушки с дедушками — это люди разного возраста, характера, вкусов, привычек. Они не похожи друг на друга, но именно это разнообразие делает семью сильной: один поддерживает другого

там, где сам слаб. Так и народы мира - разные по языку, вере, традициям, но это не отменяет их родства.

Вдумаемся: рождение, любовь, материнство, проводы близких, горе потерь, надежда на будущее - эти переживания одинаковы у всех людей. Народ, потерявший близких, плачет так же, как и любой другой. Мать, держащая на руках новорождённого, чувствует то же счастье, что и матери всех времён и континентов. Осознать это — значит признать, что мы действительно одна семья, а не случайные спутники.

Жить как семья — значит не иметь права проходить мимо чужой беды. Когда в одной семье кому-то плохо, невозможно сказать: «Это чужие проблемы». Так и между народами: голод, стихийное бедствие, эпидемия, война в одном уголке планеты — это боль всей человеческой семьи.

Жить как семья — значит решать споры не через взаимное уничтожение, а через разговор, ведь в семье конфликты улаживают за столом переговоров, а не оружием.

Жить как семья — значит уважать «старших» (древние цивилизации с их огромным опытом) и бережно поддерживать «младших» - народы, которым ещё предстоит встать на ноги.

Исмаил Гаспринский, начав свой труд о единстве народов, подметил глубину истины: счастливые семьи у всех народов похожи друг на друга, потому что счастье семьи строится на одних и тех же кирпичиках - любви, уважении, терпении, заботе. И человеческая семья, семья народов, устроена так же.

Может показаться, что жить «как одна семья» - это красивая, но наивная мечта. Ведь история полна войн и вражды. Но взглянем на это иначе: случайный спутник никому ничего не должен. Ему безразлична дорога, по которой едет состав, и люди, оказавшиеся рядом. Но, член семьи несёт ответственность - за дом, за близких, за общее будущее.

Каждый народ пришёл в общий человеческий дом со своим сокровищем: кто-то принёс песни, кто-то - ремёсла, кто-то - мудрость философии, кто-то - научные открытия. И пока мы помним,

что это наш общий дом, а мы в нём - семья, а не случайные попутчики, у человечества есть будущее.

Семья - самая малая часть человечества, но именно в ней, как в капле воды, отражается то, каким должно быть всё человечество: единым в любви и ответственности.

Завриева Лемара Сулеймановна

Язык. Культура. Семья.

Когда я прочитала фразу: «Все народы должны жить не как случайные спутники ...», я сначала подумала: ну, опять что-то про «мир во всём мире», красиво, но как будто не про меня. А потом вдруг поняла: да это же прямо про наш дом. Про то, как у нас все заняты, все в делах, а всё равно мы вместе.

Семья для меня – это первый мир, который я по-настоящему узнала. Не из учебников, а вот так: по тому, как папа, придя с работы, первым делом спрашивает, как у меня день прошёл; по тому, как старший брат ворчит, что я опять разбросала вещи, а потом сам их убирает; по тому как младший тянет меня за рукав: «Поиграй со мной!» И я играю, хоть и дел полно. У нас дома шумно, и мне это нравится.

А ещё недалеко живут бабушка с дедушкой, и я к ним часто хожу. С бабушкой мы вместе готовим разные блюда. Она любит рассказывать, как раньше всё делали, какие специи добавляли, как тесто вымешивали часами. Я слушаю и стараюсь всё запомнить. Мы вместе часто печём пироги – бабушка доверяет мне раскатывать тесто, а сама только подсказывает, где чуть-чуть подравнять. И когда пирог получается румяным, я так радуюсь: это ведь мы сделали вместе.

С мамой у нас своё дело – она учит меня вязать. Это моя мечта – научиться вязать стильные вещи. Сначала у меня ничего не выходило: петли путались, нитки цеплялись, хотелось всё бросить. Но мама спокойно показывала снова: «Смотри, вот так подхватываем, вот так протягиваем». И потихоньку стало получаться. Сейчас я вяжу шарф – он пока не очень ровный, но я не сдаюсь. Мама говорит, что главное – не скорость, а старание. И я стараюсь.

Я вообще активная: мне хочется всё успеть – и уроки сделать, и с младшим братом поиграть, и бабушке с дедушкой помочь, и над шарфом поработать. Иногда тороплюсь и ошибаюсь. Но дома к этому относятся спокойно. Никто не кричит, не отмахивается. Просто помогают: папа подскажет, как лучше разложить дела по порядку, мама тихо напомним про терпение, бабушка улыбнётся и скажет: «Всё приходит с опытом», дедушка улыбнётся и погладит по голове. И от этого хочется стараться ещё больше.

Мне кажется, именно в этом и рождается то самое чувство единства – тихое, без громких слов. Мы все разные: у каждого свой темп, свои привычки, свои любимые фразы. Старший брат любит всё делать чётко по плану, я – сразу схватить и бежать, младший брат – просто радоваться каждой мелочи, бабушка – делать всё не спеша, с душой. И при этом мы умеем быть рядом. Мне кажется, с народами также: сила не в том, чтобы всех сделать одинаковыми, а в том, чтобы уважать, что у каждого свой путь и свои важные мелочи.

Когда дома всё разное – разные скорости, разные привычки, разные истории, – ты привыкаешь, что мир большой и в нём много правильных способов жить. Ты не пугаешься «чужого», потому что оно уже было у тебя дома: в бабушкином рецепте, в мамином совете, в папиной шутке, которую все знают наизусть, но всё равно смеются. Для меня семья – это школа уважения, где учат не просто «терпеть» других, а видеть в их привычках ценность.

Иногда кажется, что сейчас все куда-то бегут, и времени для разговоров почти не остаётся. Но дом – это как раз то место, где можно чуть-чуть замедлиться и услышать другого. Это не какая-то сложная философия, а самые обычные вещи: выслушать, не перебивая; помочь, не читая нотаций; сказать: «Я с тобой не согласен, но я тебя уважаю». И этому тоже учишься дома.

Мне важно, что то, чему я учусь в семье, потом выходит в большой мир. Если дома привыкли договариваться, ты и в школе будешь искать способ договориться, а не ссориться. Если дома ценят труд и старание, ты не будешь ждать, что кто-то всё сделает за тебя. А если дома берегут память и уважают опыт старших, то и к общей истории относишься бережнее.

«Все народы должны жить не как случайные спутники» – для меня это про то, что каждому важно чувствовать: его слышат, он нужен. И начинать можно с самых простых вещей: с того, как разговариваешь дома, как относишься к старшим, как объясняешь младшим. Посему важно уважать чужую культуру.

Семья — это не только про «своих». Это ещё и про то, как «свои» учатся быть добрыми к «чужим». И если в каждом доме будет такой маленький островок уважения, то и мир станет чуточку добрее и крепче.

Кадинская Снежана Сергеевна

Иллюстрация Зубковой Натальи.

*(Участница республиканского конкурса для молодых читателей
«Язык. Культура. Семья»)*

Сад, политый живой водой родного слова

Есть вещи, которые мы принимаем как данность - воздух, воду, свет. И язык: мы дышим им, не замечая, пока он есть. Но стоит ему исчезнуть, и народ становится безмолвной тенью, лишённой прошлого и будущего. Исмаил Гаспринский, крымскотатарский просветитель, понял это раньше многих. Он провозгласил язык главным орудием развития, создал это орудие, издавая газету, реформируя образование, собирая разрозненные диалекты в единый литературный язык. Сегодня, когда малые языки исчезают со скоростью одного в две недели, его завет звучит, как набат.

В этом эссе я хочу осмыслить наследие Гаспринского через призму собственного опыта семнадцатилетней девушки, живущей в многоязычном мире, где родной язык часто остаётся лишь домашним. И ответить на вопрос: услышали ли мы Гаспринского спустя 175 лет?

Человека делает человеком разум, но разум мыслит словами. Аристотель называл язык «звучащей мыслью». Согласно гипотезе лингвистической относительности, язык не просто описывает мир, но конструирует его: мы видим то, для чего у нас есть слова. Потеряв слово, теряем пласт реальности. Для крымскотатарского народа времён Гаспринского реальность была дробной: арабская вязь религиозных текстов, османская лексика образованных слоёв, местные диалекты. Единого языка для науки, политики, будущего не было. Гаспринский назвал это «главным тормозом прогресса». Он не идеализировал старину, а хотел, чтобы народ говорил на языке современности.

Его газета «Терджиман» («Переводчик») стала мостом между веками. На её страницах рождался новый литературный язык - очищенный от архаизмов, понятный от Крыма до Казани. На нём заговорили о школе, правах женщин, науке, о единстве. Язык

перестал быть только бытовым, он стал политическим, культурным, интеллектуальным. Способность говорить о сложном и новом - вот что Гаспринский назвал орудием развития.

Может показаться, что его борьба осталась в XIX веке. Сегодня у крымскотатарского языка есть алфавит, учебники, литература, интернет-порталы. Но по данным переписи 2021 года, только 18% крымских татар свободно владеют родным языком. В городах основной язык общения - русский. Молодёжь говорит на нём, потому что на русском - карьера, образование, друзья. Родной язык становится «бабушкиным», непрестижным. Я вижу ту же проблему, что и Гаспринский, в новых одеждах: тогда народ был неграмотен - сейчас он говорит на языке большинства, утрачивая свой. Это боль сотен малых народов России, от удмуртов до чукчей. Язык уходит не под запретами, а под давлением прагматики: зачем учить, если на нём не получить работу?

Гаспринский знал ответ: потому что без языка теряешь душу. Он настаивал на трёх языках - родном, государственном и мировом. Не вместо, а вместе. Он видел в многоязычии силу. Сегодня наука подтверждает: билингвизм делает мозг гибче, креативнее, устойчивее к старению.

Я выросла в семье, где говорили на родном языке только дедушка и бабушка. Бабушка пела мне колыбельные на родном, но в школе я отвечала только по-русски. Однажды я прочитала строки Гаспринского: «Не стыдитесь своего языка, ибо он – честь вашего рода. Стыдно не знать его, стыдно не развивать его». Эти слова ударили в сердце. Я поняла, что, отказываясь от языка, я теряю целый мир - сказки, песни, смыслы, которые нельзя передать иначе. Например, в нашем языке есть слово, означающее одновременно грусть и надежду: его не перевести одним словом. И таких уникальных слов тысячи. Я стала сознательно учить родной язык, читать на нём.

Гаспринский создавал газету - сейчас создают блоги. Он упрощал орфографию - сейчас создают мобильные приложения. Он открывал школы - сейчас проводят онлайн-курсы. Инструменты

изменились, но суть та же, - язык живёт, когда на нём говорят, когда он решает реальные вопросы.

Развитие народа - не музейная консервация языка, а его эволюция: новые слова для новых реалий, гибкость, удобство. Сегодня технологии - нейросети, корпуса, голосовые помощники - могут сделать родной язык доступным: перевести интерфейсы, создать субтитры к фильмам.

Это и есть «работа над усовершенствованием», о которой говорил просветитель. Но главное - изменить отношение в народе. Перестать считать родной язык уделом стариков и начать гордиться им.

В мире, где ценятся уникальные культурные коды, билингв - не отсталый, а продвинутый человек. Именно это твердил Гаспринский, и именно это мы должны донести до молодёжи.

Подводя итог, я возвращаюсь к фигуре Исмаила Гаспринского. Он прожил 75 лет, но оставил не просто книги - он оставил метод, в котором язык не отделён от образования, культуры и политики. Показал, что народ, говорящий на современном, живом языке, способен на саморазвитие и прорыв.

Сегодня, в Год единства народов России, мы чувствуем ценность этого единства - но единство не означает однообразие. Настоящая сила России - в её многоязычии и культурном богатстве. Каждый из нас, молодых читателей, может стать продолжателем дела Гаспринского: выучить родной язык, говорить на нём, создавать на нём новое.

Язык - главное орудие развития. Но орудие - лишь инструмент. Главное - руки, которые им пользуются. Пусть наши руки будут сильными, умными и любящими. И тогда народ, чей язык мы бережём, расцветёт, как сад, политый живой водой родного слова.

Абдуллаева Наиле Рагимовна

Къапу

– Мам, мам! – Женщина в льняной рубахе и накидке-антери нахмурилась и с мягким укором взглянула на шестилетнего сына.

– Караман, *тувгъан**, я же просила: зови меня *ана***.

Мальчик замер на бегу. По его гладкому лицу пробежала тень глубокой задумчивости. Он переминался с ноги на ногу, шевелил губами, отчаянно пытаясь поймать ускользающее слово, которое мама произносила так легко.

– Кеч... мири? – выдохнул он, с надеждой глядя на неё.

– Правильно – *кеч мени****. – Голос её дрогнул, но она быстро взяла себя в руки. – *Тенрим*****, что же будет дальше? Ты почти не слышишь караимский.

Язык онемел и застыл от горечи. Она с усилием проглотила ком в горле, окинула взглядом древнюю арку и ласково улыбнулась сыну:

– Караман, *тувгъан*, а знаешь, куда мы идём?

Мальчик с любопытством огляделся. Его взгляд скользнул по арке с причудливой кладкой, за которой стройными рядами виднелись кроны величественных деревьев. Под этим шатром земля была усеяна каменными плитами. Сюда его никогда не водили.

– Нет, ана... но здесь красиво.

– Хочешь узнать о нас с тобой чуточку больше, чем знают другие?

Интонация была заговорщицкой, обещающей приключение. Мальчик закивал.

– Ана, конечно!

Она с лёгким усилием взяла его на руки и поднесла к массивной каменной арке, сложенной из грубо тёсанных блоков.

– Смотри. Это портал в прошлое. Зайдём?

Караман заворожено уставился на проём. Он видел только дорогу и деревья, но вера в мамину сказку была безграничной. Он кивнул.

Тотай шагнула вперёд. В её тихом голосе зазвучала почти былинная напевность:

– Мы на караимском кладбище Балта-Тиймез, тувгъан. В Иософатовой долине. Неподалёку отсюда – древний город Чуфут-Кале. Помнишь, мы там гуляли? – Она перевела дух и указала на башню, что возвышалась над полем плит, как часовой. – А знаешь, что в Иерусалиме, в священном городе, есть точно такая же? Наши предки построили эту копию, чтобы и здесь, в Крыму, земля была освящена памятью.

Она подошла к плите под самым раскидистым деревом в округе. Его корни оплели могильный холм, будто обнимая его.

– А здесь, тувгъан, покоится твой дедушка. Он преподавал караимский язык при религиозной школе. Учил детей тем самым словам, которые ты пытаешься вспомнить.

Тотай присела на краешек могилы, усадив сына к себе на колени.

**тувгъан* – родной

***ана* – мама

****кеч мени* – прости меня

*****Тенрим* – Господи

– До войны нас было много. А сейчас... нас осталось так мало, что можно пересчитать по пальцам. Как думаешь, Караман, чем ты отличаешься от русского или украинца?

Мальчик задумался. Он смотрел на разноцветные листья, на буквы, выбитые в камне, которые не мог прочесть, но он необъяснимо остро чувствовал это место.

– Ана, мы одинаковые, – сказал он наконец.

Тотай погладила его по голове и заглянула в глаза.

– Ты прав. И одновременно ошибаешься. Русские встречают гостей хлебом и солью, их язык звучит громко и широко. Украинцы берегут вышитые рушники: на них стоят молодожёны, как на обереге, и каждое украинское слово поют, как песню. А мы, караимы, кланяемся Древу Жизни. Наша святыня – вот эта дубовая

роща, Балта-Тиймэз. Мы связаны с ней нитями, которые тянутся из самой древности.

Она помолчала. Ветер шевельнул листву, и по плитам пробежали солнечные зайчики.

– Но нас осталось мало. Очень мало. И нашего языка почти не осталось. Только один из десяти караимов сегодня может назвать себя носителем. – Голос её дрогнул, но она не заплакала. – Что будет дальше, Караман? Как сохранить всё то, что они, – она обвела рукой кладбище, – строили веками?

Она встала и подала сыну руку. Крепко сжала его ладошку, будто передавая ему нечто тяжёлое и бесценное.

– Ты знаешь, что означает твоё имя?

– Что же, ана? – спросил мальчик, и в его голосе впервые прозвучала взрослая серьёзность.

– *Батыр, кючлю**. – будто на подсознательном уровне Караман понял перевод этих слов, которые вложили в него при рождении. – Ты – голос нового поколения. Из наших уст звучат слова, которые не откликаются в сердце, а когда я их произношу, теряю связь с этим местом, с твоим дедушкой, со всеми теми, кто тут жил до нас.

– Караман, тувгъан, – произнеся эти два слова, она будто смогла вздохнуть полной грудью, и только после большой паузы, закончив смаковать эти два простых слова, она продолжила – нам пора уходить. Скажи, ты пойдёшь со мной сюда на следующей неделе?

Мальчик часто закивал. Всё внутри него откликнулось на эту просьбу. Ему понравилось, как мама произносит эти слова, как они переливаются, как отзываются эхом в кронах деревьев.

Постояв посреди кладбища ещё пару минут, они двинулись через арку. Перешагнув через «портал времени», он уже не почувствовал изменений, и только потом, спустя много лет, сидя за учительским столом в караимской церковной школе он понял, что во время той прогулки, под широкой кроной дерева, он оставил

часть своего детского сердца, теперь навсегда принадлежащему караимам и караимскому языку.

Она была открыта. И он в неё вошёл.

*батыр, кючлю – богатырь, сильный

*Къапу — дверь, арка, портал

Макаева Вероника Александровна

(Иллюстрация Макаевой Вероники)

Горсть терпения и капля любви

Мой культурный код — это не герб и не гимн. Это то, от чего у меня перехватывает дыхание, когда я слышу знакомую мелодию или вижу, как мама режет хлеб особенным движением. Это запах летних цветов на даче, хруст свежего белого хлеба, звуки осеннего дождя, русская мелодия, под которую хочется танцевать, и вкус прохладного кваса. Это красивое платье с народным голубым узором и яркий бабушкин платочек на седой голове. Это тёплые капельки моря, которые я ощущала в детстве. Это не просто воспоминания — это то, что делает меня частью чего-то большого. Этот код, я не выучила — я его впитала с воздухом родного дома. И однажды я поняла: у этого кода есть свой рецепт. Не тот, что записан на бумаге, а тот, что живёт в душе и звучит голосом бабушки: „Возьми одну горсть терпения, две ложки уважения к старшим, щепотку смеха, три стакана народных песен и добавь капельку любви.

Первый ингредиент — горсть терпения. Я помню, как я сидела в спальне и смотрела, как мама вяжет чебурашек на СВО. Она делала это медленно, спокойно, не торопясь. Ниточка за ниточкой. Я тогда не понимала, зачем тратить на это столько времени, ведь можно купить готовых. Но теперь я знаю: в этом движении рук — целая философия. Это не про обычные игрушки. Это про умение ждать, про уважение к каждой мелочи, про то, что настоящее не делается наспех. Культурный код — это когда ты не бежишь, а идёшь. И в этом терпении — наша сила.

Второй ингредиент — ложка уважения к старшим, а точнее, даже две. В моём дворе живёт дедушка, который каждый день работает в гараже. Раньше я пробегала мимо и почти не замечала его. Он просто стоял у раскрытых ворот гаража. Раньше я его почти не замечала. Но однажды он позвал меня «Таня, правильно? С сестричками гуляешь, я помню вас, вы же из пятой квартиры?». Я остановилась. Мне стало немного неловко, что я так долго носилась мимо и ни разу не ответила на его взгляд. И в этот момент я вдруг

почувствовала, что я не одна. Что меня видят, помнят, знают. Уважение к старшим – это не старомодное правило из учебников. Это мост. Деревянный, скрипучий, но надёжный. Он соединяет моё «сегодня», полное беготни и телефонов, и его «вчера», где, возможно, так же смеялись дети, так же пахло хлебом и так же светило солнце. И если мы не будем переходить по этому мосту — он рухнет. А вместе с ним исчезнет самая важная часть нашего кода: память о тех, кто держал этот мир до нас.

Третий ингредиент – щепотка смеха. Без неё наш код был бы пресным, как не солёный чебурек. Вспомните, как на праздниках мы поём частушки или переглядываемся на семейных обедах, когда кто-то рассказывает старую, давно всем слышащую шутку. Мы смеёмся не над шуткой, мы смеёмся над тем, что мы снова здесь, вместе. Когда моя подруга сказала мне: «Вы так смеётесь с сёстрами, что смеяться хочется с вами». И я поняла, что это тоже часть нашего кода – уметь радоваться громко, открыто, по-настоящему. Этот смех – как пароль, который узнают свои.

А теперь – три стакана народных песен. Не тех, которые звучат по телевизору на праздниках, а тех, которые поют на концерте маленькие детишки. Или тех, которые мы учили в школе на уроках музыки и стеснялись петь. А потом однажды, листая ленту, я случайно наткнулась на современную обработку старинной крымскотатарской мелодии. Я не знала слов. Но когда зазвучал голос — низкий, тягучий, будто из самого сердца степи, — у меня побежали мурашки по коже. Почему? Я не понимала. Но моя душа — она поняла. Песня — это язык, который не нужно переводить. Это пароль, который узнают все, кто когда-либо любил, ждал и верил. Эти три стакана народных песен — как три реки, которые текут рядом. Они не сливаются в одну, но они утоляют жажду каждого из нас.

«Мне говорят: «Что такое культурный код? Это сложно». А я знаю ответ. Это очень просто. Культурный код — это когда ты улыбаешься, потому что пахнет хлебом. Это когда ты плачешь, потому что звучит песня. Это когда ты останавливаешься, потому что тебя окликнул старый человек. Это когда ты смеёшься, потому

что рядом — твои. И в этом рецепте нет ничего лишнего. Ничего, что можно отбросить или заменить. Только горсть терпения, ложка уважения, щепотка смеха, три стакана песен и капля любви. Теперь это мой рецепт. Я буду хранить его так же бережно, как бабушка хранит свой платок. А когда-нибудь я открою свою книгу и скажу своим детям: «Смотрите, вот он. Настоящий. Выучите его наизусть. И добавьте свою каплю».

Къыйметли мирас Масал

Бир заманда бар экен, бир заманда ёкъ экен, узакъ улькеде бир къабиле яшагъан. Адамлар пек джаиль, лякин пек мераметли эдилер. Олар окъумагъа-язмагъа бильмегенлер, амма пек ишكير эдилер. Эллеринден пек чокъ иш келе эди. Олар эм айванасравджылыкънен, эм бостанджылыкънен, эм де чешит унерлернен огъраша эдилер. Къабиле бахтлы омюр сюрген, озъара ве къомшуларынен муаббет яшагъан.

Кунылернинъ биринде Эмир адлы бир йигит айванларны отлатмагъа чыкъты. Болдургъан сонъ, раатланмакъ ичюн къобагъа кирди. Бирден козюне насылдыр язы илишти. Окъумагъа бильмегени ичюн, эльбетте, бир шейлер анъламады. Эвге къайткъан сонъ, корьгенлерини ана-бабасына анълатты. Олар бу язынен меракъландылар. Ана-бабасы огълу истидатлы олгъаныны корип, оны окъумагъа йибермеге къарар алалар.

Эмир Мысыргъа окъумагъа кете. Анда о мешур алимлерден дерслер ала. Мемлекетни долаша. Адамлар насыл яхшы яшагъанларыны коре. Беш йыл кечкен сонъ о, Ватанына къайтып келе. Бу арада онынъ къабилеси эвельки аятыны девам этмекте. Буны корьген окъумышлы йигит халкъынынъ аятыны денъиштирмеге истей.

О, миллетни топлай ве корьгенлерини анълата. Адамлар оны меракънен динълейлер ве денъишмеге къарар берелер. Эмир озюне

бир план тизе. Биринджиден, о, беш кызыны ве беш йигитни сайлап, оларны окъумагъа-язмагъа огрете. Сонъра бу яшлар башкъаларны окъуталар. Бойлеликнен, яваш-яваш эр кес окъутыла. Экинджиден, окъумагъа огренген сонъ, башкъа илимлернен де таныш эте. Учюнджиден, миллет джаиллектен къутулгъан сонъ, медений яшайышны да тюзетмеге къарар бере.

Эмирнинъ бутюн истеклери яваш-яваш керчек олып башлады. Янъы несиль авесликнен аятларыны денъиштирди. Эсли-башлы эали исе эвельки ишлерини девам этти. Эмир къабиленинъ башына кечти. Онынъ улькеси нумюневий олды. Улькенинъ халкъы окъумышлы, аятлары исе медений эди. Мында мектеплер ачылды, газеталар чыкъарылып башлады, театр ачылды. Яш языджылар эсерлер яратты. Адамлар бахтлы бир аят сюрдюлер.

Бир кунъ бу улькеге ябанджы къабиле кельди ве бахтны бозмагъа тырышты, лякин эр шейге рагъмен къабиле озюни ве медениетини къорчалады. Даа чокъ йыллар девамында, несильден несильге кечип, оларнынъ анъанелери сакъланды.

Асырлар кечти, къабиле бир миллет олды. Дюнъяда ады, мекияны ве медениети мешур олгъан бир халкъ эди. Несиллер денъишти, амма оларнынъ мирасы аля даа яшай. Бу мирас буюктир – тиль, эдебият, санат, медениеттир... Иште, олар халкънынъ медений кодыдыр. Миллетнинъ эсли-башлы эалиси исе келеджек несиллерге бу къыйметли мирасны сакъламагъа васиет этти.

Авамилов Кемал Диляверович

Язык. Культура. Семья.

Меня зовут Иванна, мне 15 лет. Я родилась и живу в селе Ильинка Краснопереконского района. Это не просто строчка в паспорте — это место, где я знаю каждый закоулок, где пахнет полыньё и степным ветром, где мой дом и моя земля. И когда я слышу словосочетание «культурный код народа», я не ищу сложных определений в интернете. Я просто оглядываюсь вокруг и вижу его в каждом дне своей жизни.

Что такое «культурный код» для меня?

Для меня культурный код — это не конкретное понятие из учебника обществознания. Это то, что делает нас теми, кто мы есть. Это наша общая память, наши традиции, наш язык, наше отношение к жизни. Это невидимая нить, которая связывает нас с предками и которую мы передадим своим детям. Это понимание добра и зла, щедрости и взаимопомощи. Это умение радоваться и горевать вместе. Это, в конце концов, наша душа. Мне кажется, культурный код живёт в мелочах: в бабушкиных пирогах, в песнях, которые поют на праздниках, в уважении к старшим, в готовности прийти на помощь соседу.

Моя Ильинка — маленькая частица большого кода.

Моё село небольшое, но у него своя история. Я знаю, что оно было основано в 1912 году как имение помещика Пахомова. Раньше оно называлось «Новый Джелишай», а потом «Вилор». Эти названия — как эхо разных эпох, которые оставили свой след на нашей земле. Здесь жили и трудились люди разных национальностей, и это разнообразие тоже стало частью нашего культурного кода.

В центре села есть братская могила, где захоронены 80 советских воинов, погибших при освобождении Крыма в 1941 году. Каждый год 9 мая мы приходим сюда с цветами. Моя прабабушка рассказывала, как её семья пережила войну, как они ждали Победу. И когда мы стоим в минуте молчания, я чувствую эту связь поколений. Это не просто дата в календаре — это часть нашей общей боли и нашей общей гордости. Это память, которая зашита в наш культурный код.

Культурный код в традициях и праздниках.

Культурный код нашего народа ярко проявляется в праздниках и традициях. У нас в районе проходят замечательные фестивали. Например, недавно был фестиваль казачьей культуры «Родная сторона». Приезжали коллективы из разных сёл, пели казачьи песни, танцевали, показывали народные костюмы. Ильинский Дом культуры тоже участвовал и даже угощал всех солдатской кашей. Это не просто концерт — это живая история, возможность прикоснуться к истокам.

А сколько у нас творческих коллективов! Например, коллектив «Сударушка» Ильинского дома культуры. Они исполняют старинные обрядовые песни, которые пели наши бабушки и прабабушки. А наши замечательные работники дома культуры реконструируют такие праздники, как Масленица, Рождество, устраивают «Казачьи гулянья». Когда я слышу эти песни, у меня мурашки по коже — в них столько силы, души и подлинности. Это и есть наш культурный код, который бережно хранят и передают такие люди.

Язык — главный хранитель кода.

Наш язык — это тоже часть культурного кода. В нём отразилась история и душа народа. Сколько в русском языке слов, которые не перевести на другие языки! «Тоска», «удаль», «авось», «раздолье» ... Они помогают передать самые разные эмоции, понятных только нам. Моя бабушка, когда я ленюсь, всегда говорит: «Без труда не выловишь и рыбку из пруда». И я понимаю, что это не просто слова, а вековая мудрость. В нашей семье до сих пор хранят старые фотографии и письма, говорят на чистом, красивом русском языке. Это наша защита от забвения, наша связь с прошлым.

Что для меня значит культурный код?

Культурный код моего народа — это моя семья, моё село, моя история. Это когда мы всей семьёй печём блины на Масленицу по бабушкиному рецепту. Это когда на День Победы мы выходим на улицу с портретами ветеранов. Это когда соседи помогают друг другу в беде. Это умение радоваться жизни, несмотря ни на что, и верить в лучшее.

Я чувствую, что мы, молодёжь, должны беречь этот код. Многие мои сверстники увлекаются историей, народными промыслами, фольклором. Это не просто дань моде — это осознанное желание сохранить свою идентичность. Наверное, это и есть главная задача каждого поколения — быть связующим звеном между прошлым и будущим, передавая этот невидимый, но такой важный культурный код дальше.

А ещё мы живём в удивительном месте — в Крыму. Здесь рядом живут русские, украинцы, крымские татары, армяне, греки, немцы и многие другие народы. Наш культурный код — он не про один язык, не про одну национальность. Он про то, как мы умеем договариваться, прощать, понимать друг друга. Мы не всегда говорим на одном языке, но мы всегда понимаем друг друга. Потому что доброта, уважение, гостеприимство — это и есть наш общий культурный код, который не зависит от национальности.

Иванова Иванна Владимировна

Культурный код народа: что мы сохраняем, когда помним язык, семью и историю

Есть вещи, которые человек получает раньше, чем успевает их осмыслить. Родная речь, голос матери, семейные истории, фотографии в старом альбоме, названия улиц, песни, услышанные в детстве, память о тех, кого уже нет рядом. Из таких, на первый взгляд, обычных деталей складывается культурный код народа. Он не существует отдельно от человека. Он живет в том, как мы говорим, что помним, какие даты считаем своими, какие слова вызывают чувство дома и почему история страны воспринимается не как чужое прошлое, а как часть собственной судьбы.

Культурный код нельзя свести к набору традиций, праздников или символов. За ним стоит исторический опыт многих поколений. В нем сохраняются представления о добре и справедливости, о семье, долге, Родине, памяти, взаимной поддержке. Даже привычные слова несут отпечаток времени. Когда мы произносим «родная земля», «отчий дом», «семейная память», «Родина», за каждым выражением стоят человеческие судьбы. Они связаны с местом, где жили предки, с событиями, которые переживала страна, с теми нравственными ориентирами, которые передавались детям.

Язык занимает в культурном коде особое положение, потому что именно через него человек впервые входит в культуру своего народа. Ребенок еще не знает исторических дат, но уже слышит колыбельную. Он еще не понимает смысла слова «традиция», но запоминает, как взрослые поздравляют друг друга с праздниками, как обращаются к старшим, какие семейные выражения повторяются из года в год. Позднее появляются книги, пословицы, стихи, песни, рассказы о прошлом. Язык постепенно становится связью между личным опытом и историей народа.

В родном языке сохраняется значительно больше, чем словарный запас. Через него передаются оттенки чувств, особенности мышления, юмор, интонации, отношение к близким и окружающему миру. Многие слова трудно перевести без потери смысла, потому что за ними находится целый пласт культуры.

Русское слово «родной», например, может относиться и к человеку, и к дому, и к городу, и к земле. В каждом случае речь идет о внутренней близости, которую невозможно измерить или объяснить одной формулой.

Поэтому потеря интереса к родному языку постепенно ослабляет связь с культурной памятью. Когда человек перестает читать литературу своего народа, не знает пословиц, не понимает старых выражений, не интересуется происхождением слов, часть прошлого становится для него недоступной.

Язык продолжает существовать, но глубина его восприятия сокращается. Сохранить язык значит пользоваться им бережно, чувствовать его выразительные возможности, передавать детям любовь к чтению и желание говорить грамотно.

Семья дает культурному коду живую форму. В школе можно узнать историю страны, но именно дома ребенок впервые узнает историю своей семьи. Иногда она начинается с простого рассказа бабушки. Иногда с пожелтевшей фотографии, медали, письма с фронта, старой книги, семейного рецепта или названия деревни, откуда когда-то приехали прадед и прабабушка. Такие вещи могут казаться незначительными, пока не возникает вопрос: кто мы и откуда?

В моей памяти семья всегда связана с ощущением преемственности. В семейных рассказах человек постепенно начинает понимать, что его жизнь не начинается с него самого. До него были другие люди, которые любили, работали, растили детей, переживали трудные времена, принимали решения, сохраняли дом и семью. Понимание собственной связи с ними меняет отношение к прошлому. История перестает быть набором параграфов из учебника.

Сейчас культурный код испытывает серьезное давление. Информационная среда меняется слишком быстро. Молодой человек ежедневно видит сотни коротких сообщений, видео, чужих мнений и образов жизни. Границы между культурами становятся менее заметными, язык наполняется заимствованиями, семейные

традиции иногда воспринимаются как что-то устаревшее. В таком потоке легко потерять связь с собственным прошлым.

Однако сохранение культурного кода не означает отказ от нового. Культура всегда развивалась, принимала новые формы, меняла язык и привычки. Проблема начинается тогда, когда новое полностью вытесняет память. Человек может пользоваться современными технологиями, изучать иностранные языки, путешествовать, интересоваться другими культурами и одновременно знать историю своей семьи, читать русскую литературу, хранить родную речь и уважать традиции своего народа.

У каждого человека есть личная зона ответственности за сохранение культурной памяти. Она начинается с очень простых вещей. Можно спросить у старших родственников о детстве, записать их воспоминания, подписать старые фотографии, узнать историю своей фамилии, сохранить семейные письма и документы. Можно читать произведения русской литературы не ради отметки, а ради понимания языка и времени. Можно посещать исторические места и воспринимать памятник не как фон для фотографии, а как свидетельство судьбы конкретных людей.

Мне кажется особенно важным, чтобы память не становилась формальной. Если человек участвует в памятном мероприятии, но ничего не знает о собственной семье и истории страны, связь остается поверхностной. Гораздо сильнее действует знание имени своего прадеда, его биографии, места службы, судьбы после войны. Через конкретного человека история становится близкой.

Семейная память тоже требует заботы. Иногда мы думаем, что успеем спросить у бабушки или дедушки позже. Потом оказывается, что рассказ уже некому повторить. Вместе с человеком исчезают имена, подробности, голоса, семейные шутки, воспоминания о доме, которого больше нет. Потеря таких деталей кажется маленькой только на первый взгляд. Из них складывается история семьи, а из истории семей складывается память народа.

Культурный код сохраняется до тех пор, пока существует связь между прошлым и будущим. Язык дает этой связи слова. Семья наполняет ее личным содержанием. История помогает человеку

понять, к какой общности он принадлежит и почему определенные события остаются значимыми спустя десятилетия и столетия.

Для юноши моего поколения особенно важно ощущать себя частью этой непрерывной цепи. Когда думаешь о будущем, невольно возникает вопрос, что именно будет передано детям. Какие слова они услышат дома? Какие семейные истории будут знать? Кого будут помнить по имени? Какие книги будут читать? Как будут воспринимать свою страну?

Ответ на эти вопросы и определяет судьбу культурного кода. Он сохраняется не сам по себе. Его сохраняют люди. Сохраняют, когда разговаривают с детьми на родном языке, когда не выбрасывают старые фотографии, когда помнят своих погибших, когда знают историю родного города, когда относятся к стране как к части собственной биографии.

Культурный код народа живет ровно столько, сколько люди готовы его помнить и передавать. Пока в семье звучит родная речь, пока дети знают имена своих прадедов, пока сохраняются книги, песни, фотографии и рассказы, историческая память остается живой. И пока человек способен сказать «это моя семья, моя история, моя земля, моя страна», культурная связь поколений продолжается.

Поска Ренат Серверович

Иллюстрация Хайрутдиновой Амины.

*(Участница республиканского конкурса для молодых читателей
«Язык. Культура. Семья»)*